

ВОЛЬНОЕ СЛОВО

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

Prix: 50 centimes.

Вторникъ 6 сентября 1881
25 августа

Отдельные номера продаются по 50 сант. въ книжномъ магазинѣ Н. GEORG, Genève, rue de la Corraterie и тамъ же принимается подписка, не болѣе какъ на 4 номера, съ доставкою на домъ во все города Европы и Северо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ; цѣна за 4 номера съ доставкою 2 франка. Телеграммы, письма и корреспонденціи въ редакцію адресуются: rédaction du journal «LA PAROLE LIBRE» Poste-restante, Eaux-Vives, Genève.

СОДЕРЖАНИЕ:

- 1) Русскіе начальники болгаръ. — 2) Историческая Польша и великорусская демократія, гл. III, М. Драгоманова. — 3) Политическія письма (письмо второе), г-на В. — 4) Письмо Болгарина изъ Пловдива. — 5) Письма о рабочемъ движеніи, гл. II. — 6) Соціалистическій всемірный конгрессъ.

Женева, 6 сентября.

Печатаю письмо „Болгарина изъ Пловдива“ (Филиппополя), мы исполняемъ только долгъ органа гласности, особенно обязательный для „Вольнаго Слова“, давать мѣсто каждому честному и правдивому заявленію. Но мы не можемъ сказать, чтобъ мы сегодня это дѣлали охотно, чтобъ намъ было пріятно или легко исполнить въ данномъ случаѣ эту обязанность. Печатаемое нами письмо не принадлежитъ болгарскому либералу, ни даже члену болгарской „интелигенціи“, авторъ его несомнѣнно умный и одаренный здравымъ смысломъ болгарскій патриотъ, житейскія занятія котораго не имѣютъ ничего общаго съ политикою или литературою. Не живя въ княжествѣ и, по видимому, незнакомый съ мѣстными партіями, онъ ничего не говоритъ о политическомъ движеніи, о которомъ мы знаемъ изъ другихъ источниковъ; но то, что видѣлъ онъ и что передаетъ намъ съ безыскусственною простотою, достаточно характеризуетъ положеніе страны, освобожденной русскими отъ турокъ, но не отъ собственного произвола и насилия. На что жалуется нашъ болгаринъ и чего онъ желаетъ?—Больше всего на то, что русскіе начальники болгаръ *быютъ* ихъ безъ причины и безъ разбора; „вездѣ куда не придутъ такъ и начинаютъ бить“, говоритъ онъ. „Бить и поборы, да презрѣнье ко всему болгарскому, вотъ что всего тяжелѣе“. Слова, которыя онъ говоритъ далѣе, звучатъ какъ горькая насмѣшка, хотя, можетъ быть, авторъ и не подозреваетъ этого. Его удивляетъ, зачѣмъ русскіе, „у которыхъ такъ много прекрасныхъ (!) чиновниковъ и офицеровъ“, не пошлютъ къ намъ никого изъ нихъ?—Наше національное самолюбіе не позво-

ляетъ намъ отвѣтить на его вопросъ, и мы можемъ только желать, чтобъ онъ не угадалъ, какъ просто долженъ былъ бы быть этотъ отвѣтъ...

Все это доказываетъ, увы! что, если русскій народъ способенъ жертвовать своимъ послѣднимъ достояніемъ для освобожденія своихъ братій по вѣрѣ и крови, если русскіе солдаты всегда готовы лечь костью за тоже дѣло, то русскіе чиновники и офицеры еще не умѣютъ начальствовать надъ младшими братьями; ихъ начальствованіе слишкомъ легко переходитъ въ битье и слишкомъ часто сопровождается кражею. И откуда берется у васъ презрѣніе, господа командиры, къ битому и обкрадываемому вами народу? неужели оттого, что онъ васъ терпитъ у себя? или, что онъ такъ упорно отказывается видѣть въ васъ вѣрныхъ представителей великаго братскаго народа и продолжаетъ вѣрить въ существованіе въ Россіи „прекрасныхъ чиновниковъ и офицеровъ“? Для русскаго народа было бы лучше, если бы болгаръ были и обкрадывали австрійцы или турки; какъ бы онъ опять ополчился на этихъ враговъ славянства и православія! но что дѣлать противъ своихъ же? Неужели намъ придется признаться болгарамъ, что мы не можемъ сдѣлать для нихъ ничего теперь, такъ какъ мы сами... но мы хотимъ говорить здѣсь только о болгарскихъ дѣлахъ.

Кромѣ изображенія состоянія Болгаринъ, письмо, по поводу котораго мы пишемъ эти строки, содержитъ хотя не новое, но не безъосновательное предложеніе,—замѣнить сильное и дорого стоящее княжеское правительство эзхаромъ, главою всей болгарской церкви, и совѣтомъ выборныхъ. О возможности такого устройства, по крайпей мѣрѣ на время, шла рѣчь еще въ 1878—79 годахъ, и его совѣтовали первые знатоки Болгаринъ и люди не только благонамѣренные, но и высокопоставленные, которые видѣли въ этомъ приготовленіе къ *лучшему*; насъ, слѣдовательно, не могутъ заподозрить въ желаніи видѣть въ Болгаринъ непремѣнно республику, если мы позволимъ себѣ вновь рекомендовать вышеупомянутую комбинацію тѣмъ, отъ кого зависятъ судьбы Болгаринъ: она,

дѣйствительно, будетъ приготовленіемъ къ лучшему, тогда какъ продолженіе настоящаго режима есть только, (для Россіи въ особенности), приготовленіе къ *худшему*.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛЬША

и

ВЕЛИКОРУССКАЯ ДЕМОКРАТІЯ.

III.

Физическое и моральное опустошеніе и угнетеніе, которымъ подвергли Польша и Россія Бѣлоруссію и Правобочную Украину въ XVII—XVIII в., были таковы, что, когда въ концѣ XVIII в. эти области присоединили отъ Польши къ Россіи, то въ нихъ почти не было замѣтно признаковъ народной жизни, и за аристократіей,—конечно, польской,—никто въ нихъ не видѣлъ народа и его націй, которыя успѣли было обратить на себя вниманіе даже иностраннхъ писателей во время казацкихъ войнъ. (Beauplan, Description d'Ukraine, 1660. Chevalier, Histoire de la guerre des Cosaques contre la Pologne, 1663 и др.) Теперь это были „польскія провинціи“,—и если Екатерина II называла ихъ,—„отъ Польши возвращенныя“,—то въ томъ же смыслѣ, въ какомъ Марія Терезія, какъ королева Венгрии, назвала еще раньше ея (въ 1770 г.) „возвращенными землями“ Спизскій округъ съ Величкой и Бохпией и на томъ же основаніи, на какомъ эта венгерская королева заявила въ 1772—1773 г. „Малую или Красную Русь или Галицію и Ладимірію“, по родству старыхъ венгерскихъ королей съ галицкими князьями дома св. Владимира,—наслѣдницей котораго считала себя и ангальтцербская принцесса на петербургскомъ тронѣ. Въ глубинѣ духа и Екатерина, какъ и Марія Терезія, считала „возвращенныя провинціи“ польскими и если усматривала въ нихъ что либо не польское, то развѣ „православіе“, да и то больше всего, благодаря агитаціи православныхъ духовныхъ изъ украинцевъ, въ родѣ извѣстнаго бѣлорусскаго епископа Георгія Конисскаго. Бѣлорусскій же католицизмъ и протестантизмъ считались такъ мало „русскими“ съ оффиціальной великорусской точки зрѣнія, что

они и ополчились окончательно именно послѣ перехода края подъ владычество Россіи. Даже униаты стали полячиться подъ этимъ владычествомъ еще болѣе, чѣмъ подъ польскимъ. Не только заурядные люди въ Россіи считали „губерніи, отъ Польши возвращенныя“, польскими, хотя, пожалуй, и подлежащими „обрусенію“, но самъ императорскій исторіографъ Карамзинъ въ своей „Исторіи государства Россійскаго“ проглагольствовалъ существованіе подъ не-русского династическаго Гедиминовичей своего рода русскихъ, хотя и не великорусскихъ, національных элементовъ. Даже возставалъ противъ плана Александра I возстановить подъ своимъ скипетромъ Польшу въ границахъ 1772 г., черезъ присоединеніе къ новообразованному королевству (царству) Польскому Литвы, Бѣлоруссіи и Правобочной Украйны, Карамзинъ признаетъ этотъ планъ великодушнымъ, но только невыгоднымъ для Россіи, — при чемъ упоминаетъ о правѣ меча, о старой династической принадлежности этихъ краевъ Россіи, но ни словомъ не упоминаетъ о непольскихъ національностяхъ этихъ краевъ. Въ существѣ своемъ понятіи Карамзина остались и до сихъ поръ понятіями средняго великорусскаго человѣка, для котораго и до сихъ поръ за Смоленскомъ начинается „Польша“.

А между тѣмъ уже и въ первой четверти XIX в. успѣли прорѣзаться входы непольскаго сознанія въ „губерніи“ отъ Польши возвращенныхъ. Прежде всего это сознаніе, конечно, должно было исходить изъ Лѣвобочной Украйны, въ которой преданія XVII вѣка не могли затеряться окончательно и въ которой съ конца XVIII в. началось литературное изученіе еще свѣжей казацкой старины, а за тѣмъ и этнографіи, которое не могло, конечно, остановиться на днѣпровской границѣ. За тѣмъ, подъ вліяніемъ школьной науки, — хотя бы и польской (въ Виленскомъ университетѣ и Кременецкомъ лицей) и въ мѣстныхъ польскихъ кругахъ стали образовываться зародыши литво-бѣлоруссо — и украинфильства. — При этомъ въ столь явно оригинальной Литвѣ возобновились и попытки писать по литовски, — а въ переполненной казацкими преданіями Украйнѣ появилась не только украинская школа поэтовъ на польскомъ языкѣ (Мальчевскій, Б. Залѣскій, Гоцимскій и др., которые соответствуютъ автору „Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки“ и „Тараса Бульбы“ въ русской литературѣ) но и попытка писать на языкѣ украинскомъ (подобно лѣвобережнымъ Котляревскому, Гулаку, Квиткѣ и др.) и даже агитировать пѣснями на этомъ языкѣ народъ въ пользу Польши (Тышко Падура).

Но всѣ эти зачатки будущихъ національных возрожденій, зачатки тѣхъ движеній, которыя должны стать центробѣжными и отъ Москвы, и отъ Польши, были еще настолько слабы, что ихъ почти не замѣчали образованные круги господствовавшихъ національностей, — которые не могли себѣ представить націй внѣ государствъ и аристократій. А между тѣмъ время ставило передъ этими кругами вопросы политическіе и социальныя, которые въ столь деспотическомъ государствѣ, какъ Россія, не могли

быть подняты иначе, какъ путемъ революціоннымъ. Революціонныя общества образовались и среди поляковъ, и среди русскихъ, — при чемъ сразу же намѣтилась и разница между тѣми и другими, разница, которая объясняется главнымъ образомъ различіемъ положенія націй побѣжденной и господствующей: въ то время, какъ польскіе революціонеры на первый планъ ставили вопросы національно-политическіе, — у русскихъ преобладали вопросы политико-соціальныя. Пункты соприкосновенія впрочемъ были, — и попытка соглашенія должна была быть сдѣлана уже ради удобства одновременной борьбы „съ общимъ врагомъ“, — т. е. съ царскимъ самодержавіемъ. При первой же попыткѣ этого соглашенія долженъ былъ быть поднятъ и вопросъ о будущихъ политическихъ отношеніяхъ „Польши“ и „Россіи“. Но при этомъ оказалось, что обѣ стороны способны были обсуждать этотъ вопросъ только на основаніи господствующихъ, чистого государственныхъ, т. е. узко-польскихъ и узко-великорусскихъ понятій, — такъ какъ между тогдашними поляками, даже украинцами, какъ С. Гоцимскій, демократическія и центробѣжныя идеи еще не созрѣли до полного разрыва съ традиціонными польскими стремленіями, — а среди русскихъ было совсѣмъ мало даже такихъ, которые бы, подобно Рыльеву, совмѣщали въ себѣ слабыя украинскія воспоминанія съ западнымъ либерализмомъ („Исповѣдь Наливайка“, „Война-рыскій“).

Когда въ 1824 и 1825 встрѣтились члены русскихъ и польскихъ тайныхъ обществъ въ Кіевѣ и Житомирѣ (Муравьевъ и Бестужевъ съ одной стороны и Кжыжановскій и Яблоновскій съ другой) то собственно обѣ стороны оказались стоящими не только на старыхъ государственныхъ точкахъ зрѣнія, но даже весьма упорными государственными унитаристами. Когда между Муравьевымъ и Кжыжановскимъ поднятъ былъ вопросъ о будущемъ Польши, то первый высказалъ, что среди русскихъ многіе стоятъ за цѣлость имперіи, хотя предлагаютъ федеративное устройство, въ родѣ С. Американскаго; — въ другой разъ Муравьевъ и Бестужевъ предложили мысль о поголовной подачѣ голосовъ по вопросу о границахъ между Россіей и Польшей, — противъ чего Яблоновскій выставилъ рѣшительное требованіе признанія нераздѣльности границъ „исторической Польши“, т. е. границъ 1772 г. *) Ни съ одной стороны не было заявлено и сомнѣнія относительно того, что спорныя области собственно ни Россіи, ни Польша! Это обстоятельство мало предвѣщало успѣха обѣимъ сторонамъ, — а разногласія ихъ въ вопросѣ о границѣ между ихъ Россіей и Польшей и темнота понятій насчетъ спорныхъ провинцій (Николай Тургеневъ напр. считалъ Кіевъ Россіей, а Подолію — Польшей), — не обѣщали возможности солидарнаго дѣйствія противъ „общаго врага“. И дѣйствительно солидарности между польскими политиками и русскими „декабристами“ оказалось на дѣлѣ очень мало, — при чемъ даже повидимому и принципиальныя разногласія

ихъ могутъ быть сведены къ разногласіямъ по вопросу о границахъ Польши и Россіи: такъ нѣкоторые русскіе требовали отъ поляковъ, чтобы они сдѣлали и даже убили Константина Павловича въ то время, когда въ Петербургѣ будетъ тоже сдѣлано съ Александромъ I. На это поляки отвѣчали, что царубійство не въ правахъ Польши, — но русскіе подозрѣвали, что поляки хотятъ, въ случаѣ революціи въ Петербургѣ, получить свое отъ остающагося во власти Романова, — который дѣйствительно могъ бы охотно взялся возстановить историческія границы Польши на Востокѣ, лишь бы сохранилъ за собою хоть какой нибудь тронъ.

Какъ извѣстно, оба русскіе „пропуски-менты“ 1825 г., — петербургское и бѣлоцерковское обошлись безъ всякой поддержки поляковъ — а за тѣмъ во время польскаго повстанія 1830—31 гг., не произошло никакого русскаго движенія. Возстаніе 1830—31 гг. имѣло между прочими своими послѣдствіями закрытіе университетовъ въ Варшавѣ и Вильнѣ и лица въ Кременцѣ, — слабо вознагражденное открытіемъ „для поляковъ“ университета въ Кіевѣ, въ которомъ долго преподаваніе имѣло вполнѣ казенный характеръ. Это осужденіе обширныхъ странъ на невѣжество оказалось выгоднымъ прежде всего, — вовсе даже не русскому правительству (въ полицейскомъ смыслѣ), — а польской централистической исключительности. Централизмъ и исключительность всегда идутъ объ руку съ невѣжествомъ. Изученіе прошлого и настоящаго непольскихъ областей старой Польши сильно упало въ польскомъ обществѣ послѣ 1831 г.; вмѣстѣ съ тѣмъ критическое отношеніе такихъ ученыхъ и демократовъ, какъ Лелевель, къ старому польскому государству смѣнилось крайнею его идеализаціей. Въ польскомъ обществѣ установилось мнѣніе, что козацко-украинскія возстанія не были дѣломъ естественной реакціи противъ магнатско-иезуитской политики, какъ признавали серьезные историки школы Лелевеля, — или же соціальной реакціей, осложненной реакціей національною, какъ учатъ продолжатели Лелевеля, историки украинскіе, — но дѣломъ разбойниковъ (козаковъ), подвинутыхъ московскою интригой, какъ не стыдится проповѣдывать напр. популярный у поляковъ историкъ, пр. Шуйскій. Украинская школа въ польской литературы съ 30-хъ годовъ замерла; постепенно стало замирать у поляковъ съ 1840 г. и этнографическое изученіе Украйны, начатое Ходаковскимъ, Залѣскимъ, Паули и др. Совсѣмъ забыть о существованіи оригинальныхъ чертъ исторіи и быта украинскаго не могли и поляки, тѣмъ болѣе, что объ этомъ напоминало все болѣе увеличивающееся національное самосознаніе лѣвобережной Украйны, перепесенное Максимовичемъ, Метлинскимъ и Костомаровымъ въ кіевскій университетъ. Но признаніе украинскіхъ особенностей приняло у поляковъ странную форму извѣстнаго ученія г. Духинскаго, которое, усиливая различія украинцевъ отъ великоруссовъ до отпаятія у послѣднихъ права на имя славянъ, въ тоже время ступшевывало различіе украинцевъ отъ поляковъ. Наконецъ, въ польскомъ об-

*) Lisicki. M. Wielopolski et son temps. I, 51-54.

ществѣ установилось мнѣніе, которое видѣть въ политической границѣ Польши и Россіи 1772 г. границу и этнографическую, — мнѣніе, по которому Лѣвобережная Украина, уже не принадлежавшая Польшѣ въ 1772 г., совсѣмъ будто бы отличается по національности отъ Украины Правобережной, народъ которой польскіе этнографы записываютъ въ провинціальную разновидность націи польской на ряду съ мазурами, малопольянами и т. д. Туда же записывалась и національность бѣлорусская, этнографическое изученіе которой, все таки подвигалось у поляковъ, почти не встрѣчалъ себя соперничества съ „русской“ стороны.

На русской сторонѣ послѣ революціи 1830—1831 гг. стали образовываться о спорныхъ съ Польшою провинціяхъ своего рода ученія, похожія на сейчасъ упомянутыя польскія мнѣнія. Въ официально-учебныхъ кругахъ Россіи поняли недостаточность карамзинской точки зрѣнія на эти провинціи, какъ на провинціи, принадлежащія Россіи по праву меча, или династическаго наследства, но, конечно, круги эти не были въ состояніи уразумѣть и мысли о самостоятельныхъ отличіяхъ и правахъ этихъ провинцій и передъ Вѣлкороссіею, какъ и передъ Польшою. Императоръ Николай надумался (не знаемъ, самъ ли, или подъ чьимъ либо вліяніемъ), что самое лучшее — стирать съ западныхъ и южныхъ провинцій всякія мѣстные отлічія, начиная съ именъ ихъ, которые употреблялись со времени раздѣленія ихъ на губерніи при Екаторинѣ II. Въ 1840 г., когда ему поднесли для подписанія бумаги, въ которыхъ встрѣчались обычные названія „Литовскія губерніи“ (Виленская, — отъ которой въ 1842 г. отдѣлена была Ковенская, — Гродненская) и „Бѣлорусскія губерніи“ (Витебская и Могилевская), Николай I зачеркнулъ слова: „Литовскія и Бѣлорусскія“ и приказалъ переписать бумаги, надписавъ на нихъ резолюцію: „правила сего держаться и впредь, никогда иначе не прописывая, какъ поименово губерніи“. А еще раньше того Николай приказалъ называть Слободско-Украинскую губернію Харьковскою (1835) и уничтожилъ названіе „Малороссійскаго генералъ губернаторства, обнимающаго двѣ Лѣвобочныя губерніи (Черниговскую и Полтавскую) съ Слободско-Украинскою. Въ то же время историкъ Устряловъ дѣлательно хлопоталъ объ исправленіи упущенія Карамзина, настаивалъ на „русскомъ“ характерѣ населенія Литовскаго княжества въ XIV—XV вв., конечно „русскомъ“ въ великорусскомъ смыслѣ этого слова. Для этого ученія Устрялову было достаточно усвоить противу-польскія идеи православно-украинскихъ писателей старой школы (Копищенскаго, Ваптыша-Каменскаго) съ исключеніемъ всякихъ автономныхъ идей, которыя все таки пробивались у нихъ сквозь православную кору и проскакивали въ печать, не смотря на всѣ цензурныя предосторожности. Любопытныя подробности на счетъ того, какъ хлопоталъ Устряловъ о томъ, чтобъ выставить на видъ въ официальныхъ сферахъ эту новую для великорусской публики антипольскую обработку исторіи Литовскаго княжества, находимъ въ запискахъ

Устрялова, напечатанныхъ въ 1880 г. въ „Древней и Новой Россіи“. Но новыя идеи туго усваивала даже официальная публика.*) Что же сдѣлала частной, то большинство ея слушало совершенно индифферентно обо всѣхъ этихъ Ягеллахъ и Свидригайлахъ, еще болѣе обезцвѣченныхъ официальнымъ историкомъ, чѣмъ даже московскіе Иваны, — а болѣе независимое меньшинство считало антипольскую, — и вмѣстѣ съ тѣмъ и антилитовскую, — обработку исторіи „Югозападной Руси“, лишенную всякихъ указаній на жизненные особенности ея націй, новото выдумкою академическаго лакейства. Въ поляковъ же, которые тоже были обязаны учиться въ школахъ эту обработку, она производила только отвращеніе. Сынъ Устрялова рассказываетъ анекдотъ, какъ самъ историкъ нашелъ совершенно естественнымъ, что одинъ студентъ-полякъ не захотѣлъ отвѣчать на экзаменѣ попавшійся ему вопросъ изъ исторіи „возвращенія“ къ Россіи ея старыхъ провинцій. А мы помнимъ случай, когда на студенческой сходкѣ въ Кіевѣ въ 1860 г. одинъ украинецъ сказалъ: „исторія показываетъ, что здѣшній край не Польша“, — на что студентъ-полякъ воскликнулъ: „не исторія, а Устряловъ“. Воскличаніе было покрыто аплодисментами поляковъ, которые заглушили замѣчаніе другого украинца: „не одна исторія, а и статистика!“

Представить живо и въ тоже время правдиво исторію Понѣманья и Подиіпровья и ихъ этнографическую статистику могъ только нѣкто третій, а не сторонники официальныхъ идей польскихъ и русскихъ Судя по тому, что показываетъ намъ исторія національныхъ возрожденій у западныхъ славянъ, у которыхъ національныя партіи образовались даже около нѣмецкихъ университетовъ, — мы имѣемъ основаніе думать, что, если бы продолжалъ существовать даже польскій виленскій университетъ, то около него бы образовались вполне автономныя партіи литовская и бѣлорусская. Вотъ почему русское правительство поступаетъ по своему вполне умно, не заводя университетъ ни въ Вильнѣ, ни въ Тифлисѣ. Но послѣ 1831 г. на всей славянской, но не великорусской, полосѣ Россіи университетъ существовалъ только въ Харьковѣ, а потомъ и въ Кіевѣ. А потому изъ всѣхъ западнороссійскихъ негосударственныхъ племенъ на-

*) Устряловъ говоритъ, что «Карамзинъ имѣлъ смутное понятіе о Литовскомъ княжествѣ», а «у насъ его привыкли считать коренною Польшою». Въ 1835 г. оберъ прокуроръ Синода Протасовъ и мн. нар. пров. Уваровъ пришли «въ восторгъ», узнавъ отъ Устрялова, что Литовское княжество, которое вѣжливо было до Протасова по политическимъ соображеніямъ, было тоже Русь, — и Уваровъ сказалъ, что объ этомъ надо доложить государю. Но въ 1840 г., въ указѣ о замѣнѣ въ западныхъ губерніяхъ литовскаго статута Сводомъ законовъ, — была напечатана глупость, — а именно будто Литовскій статутъ ввели въ княжествѣ поляки, тогда какъ онъ былъ редижированъ до люблинской уни и на бѣлорусскомъ языкѣ! Дѣло въ томъ, что сама теорія Устрялова, по которой порча юго-западной Руси началась сейчасъ, какъ она отпала отъ Владиміровичей до Гедиминичей, и по которой уже бракъ Ягелла и Ядвиги (1386), а не Люблинскій сеймъ (1569) установилъ «унію Литвы и Польши», была поддержкою теорій о силѣ польскаго вліянія на Литовское княжество и о нерусскомъ его характерѣ.

ціональное возрожденіе организовалось только у однихъ украинцевъ.

Начало оно организоваться сейчасъ послѣ открытіи университета въ Харьковѣ въ началѣ XIX ст. Уже въ первое двадцатипятилѣтіе XIX ст., кромѣ попытки поэзии и беллетристики на чисто народномъ украинскомъ языкѣ (писаніе на языкѣ мѣстномъ, украинско-церковномъ, не прекращалось и въ XVIII в., и замерло только послѣ введенія въ кіевскую академію „россійскаго краснорѣчія“ въ 1784 году и изгнанія изъ украинскихъ училищъ книгъ мѣстнаго изданія указомъ 1785 года) — появился на языкѣ, близкомъ къ великорусскому, первый памятникъ ново-украинской политической мысли: „Исторія Руссовъ или Малой Россіи“, долгое время приписываемая Георгію Копищенскому. Это исполненное ошибокъ въ историческомъ отношеніи произведеніе, представляющее чрезвычайно замѣчательное соединеніе старой антиуниатской оппозиціи, по безъ вѣронеповѣдной православной исключительности, и козацкаго республиканства съ новымъ либерализмомъ и демократизмомъ, — украинскаго автономизма съ всероссійскимъ федерализмомъ. „Исторія Руссовъ“ имѣла большое вліяніе на лѣвобережныхъ украинцевъ и даже, какъ признавался намъ одинъ старый польскій писатель, не осталась безъ вліянія и на правобережныхъ поляковъ, пораждая хоть у нѣкоторыхъ изъ нихъ украинскія традиціи. Около 30-хъ годовъ настоящаго столѣтія слободско украинскій, харьковскій, университетъ положилъ въ мѣстномъ обществѣ начало систематическаго изученія мѣстной народности въ связи съ изученіемъ всей славящины. Къ слобожанамъ (Срезневскій, издатель Запорожской Старины, потомъ Костомаровъ) пристали полтавцы, перепесенные судьбою въ Москву (Максимовичъ, потомъ профессоръ въ Кіевѣ, — Бодянский*). Эти первые ученые украинофилы вмѣстѣ съ подолышникомъ Григоровичемъ и съ венгерскимъ украинцемъ Венелинымъ, — подобно Бодянскому, Максимовичу и Срезневскому, писавшимъ объ украинскихъ народныхъ пѣсняхъ, — были основателями въ Россіи науки о славянствѣ, которая должна совершенно видоизмѣнить постановку въ Россіи польскаго вопроса. Подъ перомъ Костомарова уже въ 40-е годы украинофильство явно сложилось въ ученіе о федерально-демократическомъ панславизмѣ.

Въ такомъ видѣ перешло лѣвобережное украинофильство въ Кіевъ, гдѣ Костомаровъ и Шевченко начали организовывать Кирилло-Методіевское братство, которое должно было приступить къ практическому осуществленію идей украинскихъ федералистовъ посредствомъ народнаго образованія и освобожденія крестьянъ. Само собою, братство было захвачено полиціей Николая I и размѣщено по мѣстамъ столь и не столь отдаленнымъ. Но созданное первыми украинофилами литературное движеніе не исчезло, по край-

*) Здѣсь нельзя не упомянуть и харьковца кн. Цертелева, издававшего еще въ 1819 г. «Опытъ собранія старинныхъ малороссійскихъ пѣсень», въ которомъ впервые были напечатаны украинскія политическія пѣсни и «думы».

ней мѣрѣ для науки объ исторіи и этнографіи Украйны. Казакія лѣтописи и документы, напечатанные въ Москвѣ Бодянскимъ, памятники Кіевской археологической коммисіи, основанной по мысли Максимовича, — пѣсни, собранныя Максимовичемъ, Лукашевичемъ, Метлинскимъ, — показали по крайней мѣрѣ ученому міру цѣльную украинскую національность отъ верхней Тиссы въ Венгрію до Кубани въ Россіи, существовавшую, не взирая на границы Россіи и Польшы въ 1772 г., и существующую, не взирая на послѣдующія границы Австріи и Россіи съ ихъ административными подраздѣленіями. Национальность эта оказалась слишкомъ велика, чтобъ образованіе ея отличій отъ великорусской можно было по старому объяснять польскимъ вліяніемъ, испортившимъ будто бы прежде „чистую русскую народность, которая сохранилась подъ господствомъ московскихъ князей“, ибо украинскія отличія существуютъ въ такомъ же самомъ видѣ, какъ напр. въ Галиціи или на Волынѣ, и въ такихъ странахъ, гдѣ никогда не было польской власти, какъ напр. въ Венгріи, или въ Буковинѣ. Въ то же время явно враждебное польскому государству настроеніе, которое бьетъ изъ каждой страницы украинскихъ народныхъ пѣсенъ, старыхъ и новыхъ, очевидно, не могло быть объяснено „московской интригой“. Признаніе органичности украинскихъ отличій обязывало ученыхъ передѣлать всѣ официальные польскія и московскія построенія исторіи Восточной Европы — и, логически, должно было обязывать сообразоваться съ собою и практическихъ дѣятелей политики.

Само собою разумѣется, что для пріобрѣтенія практическаго значенія новыя украинскія идеи, особенно федерально-демократическаго оттѣнка, пужались въ пронагандѣ, — а она то, какъ показала судьба Костомарова и Шевченка, и не была возможна при николаевскихъ порядкахъ, которые задерживали по нѣсколько лѣтъ въ цензурѣ даже сырой матеріалъ: пѣсни, собранныя Метлинскимъ и Максимовичемъ. Вотъ почему идеи эти мало распространились даже въ мѣстномъ обществѣ, — а въ Великороссіи кіевское братство осталось не понятнымъ, но не смотря на то обруганнымъ и западникомъ Бѣлинскимъ, и восточникомъ Хомяковымъ, какъ это мы показали въ нашемъ предисловіи къ „Письму Бѣлинскаго къ Гоголю“. Поляки узнали о Шевченкѣ и Костомаровѣ только уже съ конца 50-хъ годовъ и тоже почти безъ исключенія встрѣтили ихъ идеи враждебно *) Такимъ образомъ къ концу царствованія Николая I въ массѣ, какъ русскаго, такъ и польскаго об-

щества оставались почти нетронутыми старыя церковно-государственныя идеи объ отношеніяхъ „Россіи“ и Польшы. Когда въ началѣ царствованія Александра II наступила въ Россіи либеральная оттепель, великорусскіе круги, — дающіе и до сихъ поръ черезъ столицы сигналы обществу — мнѣнію, — настроились благоприятно къ польскимъ стремленіямъ, — и не зная основательно границъ дѣйствительной Польшы, готовы были признать Польшею все, что было не великорусское, исключая, конечно, тѣхъ краевъ, къ обладанію которыми слишкомъ уже привыкло русское государство, — а именно Лѣвобережнью Украйны, которую одну привыкли въ Россіи звать Малороссіей, и Новороссію о которой никто уже и не зналъ, что она была населена и до Екатерины II и называлась „Вольностями Войска (или Товариства) Запорожскаго“. Только Кіевъ, — этотъ всероссійскій Римъ, — возбуждалъ нѣкоторые сомнѣнія въ русскомъ литературномъ обществѣ, но край западнѣе отъ Кіева оно вполне было готово признать Польшею. По крайней мѣрѣ самъ И. С. Аксаковъ помѣстилъ въ своемъ либеральномъ „Парусѣ“ (1859 г.) довольно тенденціозное „Письмо изъ Польшы“ (какъ говорили тогда, принадлежащее перу извѣстнаго польскаго беллетриста) съ помѣткою: *Житомиръ!* Даже въ послѣдствіи грозный бичъ польской интриги М. Н. Катковъ, вель по польски переписку съ г. Киркоромъ, издававшимъ въ Вильнѣ журналъ съ обычными польскими „историческими“ тенденціями, — и только полемикъ, поднята въ виленскихъ польскихъ изданіяхъ противъ появившагося въ 1857 — 59 гг. „Богдана Хмельницкаго“ Костомарова, на которую украинскій историкъ отвѣчалъ въ „Современникѣ“, предвѣщала тѣ бури, которыя не замедлили разразиться около польскаго вопроса нѣсколько времени спустя.

При такихъ условіяхъ пришлось высказаться объ этомъ вопросѣ „Колоколу“, тогдашнему органу всероссійскаго либерализма и великорусской демократіи.

М. Драгомановъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Поправки. Въ 4 № „Вольнаго Слова“ въ статьѣ г. Драгоманова оказались слѣдующія важнѣйшія опечатки: на стр. 3, столб. 1, стр. 33, напеч. *Приписи* вм. *Пѣсни*; стр. 52 (*порусски*) *тымап-прусовъ* вм. *поруски* (*Нѣманъ Русь*) *прусовъ*; на стр. 4, 1 столб., стр. 42, *польскій* вм. *тмисскій*; 2 столб., стр. 43, напеч. 1641 г., вм. 1642; на стр. 6, 1 столб., стр. 26, напеч. *польскому* вм. *нелетому*; стр. 30 нап. въ XVII в., вм. въ XVI в.; столб. 3, стр. 15, нап. *друнцъ*, вм. *дровницъ*.

ПОЛИТИЧЕСКІЯ ПИСЬМА.

Письмо второе.

Я старался, въ предыдущемъ письмѣ, *) показать неосновательность недавно возникшаго, но быстро сдѣлавшагося у насъ популярнымъ, мнѣнія о неужности для насъ виѣшней политики и о возможности разрѣшенія нашихъ внутреннихъ задачъ независимо отъ общаго хода событій нашего времени.

*) См. № 2 „Вольнаго Слова“.

Причину этого мнѣнія слѣдуетъ, прежде всего, искать въ глубокомъ недовольствѣ результатами войны 1877-78 годовъ, главнымъ и самымъ ошутительнымъ послѣдствіемъ которой было обостреніе матеріальнаго и нравственнаго положенія внутри Россіи. Перенесеніе общественнаго вниманія съ виѣшнихъ вопросовъ на внутренніе не можетъ, однако, считаться явленіемъ исключительно русскимъ: оно произошло почти одновременно во всѣхъ европейскихъ государствахъ, подъ вліяніемъ общаго утомленія, произведеннаго чрезвычайнымъ напряженіемъ силъ въ послѣднюю четверть вѣка, и желанія каждаго изъ нихъ, отложить окончательное рѣшеніе существующихъ международныхъ вопросовъ до завершения своего военнаго, политическаго и экономическаго переустройства. Правительства всѣми силами поощряютъ это временное равнодушіе общества къ виѣшной политикѣ, съ цѣлью ослабить контроль за своими дѣйствіями и представить себѣ выборъ удобной минуты и повода для перехода къ активной международной роли. Въ неминуемомъ наступленіи новыхъ виѣшнихъ столкновеній не сомнѣвается ни одинъ серьезный политическій дѣятель; весьма вѣроятно даже, что новыя столкновенія будутъ ужаснѣе и рѣшительнѣе прежнихъ: сами народы примутъ въ нихъ болѣе полное и непосредственное участіе. Въ виду медленна, но вѣрно приближающейся борьбы, главную заботу каждаго правительства (да и каждой правительственной партіи или способной стать таковою) составляетъ — увеличеніе и приведеніе въ готовность всѣхъ силъ и средствъ государства, военныхъ, финансовыхъ, дипломатическихъ, зоркое наблюденіе за приготовленіями другихъ державъ и стараніе произвести такую группировку послѣднихъ, при которой бы можно было опереться, для своихъ цѣлей, на средства и силы союзниковъ, изолировавъ въ тоже время противника. Благо той странѣ, правители которой не обманываются наружно царствующимъ въ Европѣ спокойствіемъ и всеобщими завѣреніями миролюбія и не подвергаются опасности быть застигнутыми върасплохъ...

Нельзя, однако, не признать, что сосредоточенію вниманія публики на внутреннихъ дѣлахъ, какъ въ Европѣ такъ и въ Россіи, способствовала и другая причина: выступленіе на первый планъ вопросовъ экономическихъ и социальныхъ, слишкомъ долго остававшихся въ тѣни. Дѣйствительно, научное изслѣдованіе экономическихъ явленій началось только съ конца прошлаго вѣка, и только въ текущемъ съ его результатами стали знакомиться государственные люди; основатели новой науки вдались въ односторонность: они изучали преимущественно законы производства богатствъ и упустили изъ виду законы ихъ распредѣленія; пробѣлъ этотъ пополнили такъ называемые социалисты, слишкомъ торопившіеся, къ сожалѣнію, обобщать свои выводы. Въ область практической политики ихъ ученія введены были впервые событіями 1848-го года во

*) Шевченко и до сихъ поръ имѣетъ въ польской публикѣ репутацію прага поляковъ, — и еще недавно Сырокомля не рѣшился перевести его Гайдамаковъ. Даже въ настоящее время г. Снасовичъ увидѣлъ въ этой поэмѣ «выдаваніе звѣрства и безчеловѣчности за геройство». А между тѣмъ достаточно хладнокровно прочесть поэму Шевченко, чтобъ замѣтить въ ней плачь надъ тѣмъ, что онъ описываетъ, и такія напр. слова:

Болитъ сердце, якъ згадаєшъ:
Старихъ славіянъ діти
Винили кровіу, — а хто виненъ?
Кляндонн, язуюті!

Франции, полное же их значение, для государственных деятелей различных стран, открылось только с 1871 года. В настоящую минуту, мы присутствуем при первом опыте систематической деятельности на социально-экономическом поприще в Германии и видим стремление к таковой же во Франции. Рано или поздно, остальные правительства должны будут последовать этому примеру и взять в свои руки исполнение задач, от которой зависит физическое существование значительной части населения, равно как и спокойствие и безопасность всех и каждого; весь ход современной цивилизации, при безпрепятственном развитии существующих экономических условий, ведет к отягощению положения рабочих классов, которое становится для них тем более невыносимым, что пробуждающееся в них самосознание естественно влечет их к пользованию громко провозглашенными принципами свободы и равенства, получившими до сих пор практическое значение для одних имущих. Правительства, под опасением падения, обязаны доставить работающим полное обеспечение результатов их труда, облегчая и, в тоже время поощряя, свободное развитие талантов и предприимчивости отдельных личностей.

Из государственных деятелей всех цивилизованных стран, правители нашего отечества наиболее отличались пренебрежением экономической науки и невниманием к бытовым условиям своего народа. Даже освобождение крестьян с землею, дело по истини великое по мысли и чувству его внушившим, было проведено в жизнь так превратно, что способствовало не улучшению положения населения, а его совершенному разорению. В последнее время, однако, вместе с усилившимся расхищением и уничтожением народного богатства, у нас явилось, так называемое, экономическое направление. Также культурная толпа, которая твердит о ненужности внешней политики, провозглашает в тоже время и ненужность политики вообще: политические интересы отжили свой век; для нас и наших потомков существуют одни интересы экономические и социальные, единственные серьезные и жизненные интересы.

Было бы любопытно видеть это исключительно экономическое направление на деле, так как пока оно проводится только на словах. Но заключение, замкнуть государственное управление (политику) народным хозяйством (Volkswirtschaft) нам кажется также поспешным и легкомысленным, как и решение, сократить внешнюю политику в пользу внутренней: делать то или другое, значило бы ставить часть на место целого.

Социально-экономические вопросы, вопросы материального существования человеческих обществ, всегда лежали в основании реальной политики, всегда были вопросами политическими, в обширном смысле этого слова. Исследования, произведенные экономистами и социальными,

тремя и другими с специальной точки зрения и, потому, односложно, — не только доставили политикам драгоценный материал, но и указали последним рубрики, по которым изучение фактов производится ныне, но уже с точки зрения объективной науки и, потому, безпристрастно. Сознательное введение социально-экономических вопросов в область политики знаменует собою не падение одной, а напротив, расширение ее содержания и углубление в ее задачи, вступление в новый и более совершенный фазис ее развития. Современная политика черпает свой материал отовсюду, но преимущественно из статистики, важнейшей из вспомогательных наук политики, переносящей последнюю из сферы умозрения на почву действительности. Основанная на средних выводах, извлекаемых из наблюдений над всесторонними явлениями человеческой жизни и в обществе, политика все более и более становится положительною и точною наукою. Все ее дальнейшее развитие обуславливается полным применением естественного метода, т. е. наблюдения и анализа фактов, сравнения их между собою и классификации по меру однородности, не внося в них никакого личного предпочтения или предубеждения, — того самого метода, который преобразил науку и должен преобразить общественную жизнь.

Вполнѣ признавая, таким образом, важность социально-экономических вопросов, имеющих дело с материальными интересами человечества, нельзя согласиться, однако, чтобы ими исчерпывалось все содержание жизни человека в обществе. Рядом с материальными потребностями и стремлениями существовали всегда и будут всегда существовать стремления и потребности идеальные, одинаково с первыми входящая в пределы политической науки и в круг политической деятельности. Дух человеческий возмущается против всякого насилия; стремление втиснуть человечество в тесную рамку какого нибудь односложного бытия находит себе отпор в глубинах человеческой природы: как в средние века, всемогущая церковь не была в состоянии превратить общество в монастырь, как в первой половине текущего столетия, при господстве доктринерского либерализма, экономисты не успели сдѣлать из государства торговопромышленную фирму, — так и социалистам, — даже при минутном торжестве их идей, никогда не удастся заключить человечество в рабочий дом.

Вопросы, так долго считавшиеся политическими по преимуществу и которые следовало бы скорее назвать конституционными или формально-политическими, потому что они касались скорее формальной, нежели существенной стороны народной жизни, вопросы эти не исчезнут, чтобы уступить место вопросам социально-экономическим, но они непременно подвергнутся переработке под влиянием положительного научного метода, о значении которого для политики я говорил выше. Едва ли, впрочем, какая либо эпоха че-

ловеческого развития постановит окончательное решение о форме государственного устройства, которое бы не подверглось пересмотру последующих эпох; приверженцы нового метода могут стараться только о тѣснѣйшем соглашении политической конституции (формы правления) с социальной организацией страны, с действительно имеющимися в ней силами, с естественными условиями быта и национальным характером населения, наконец, с данным моментом развития народа и положением его посреди других. Для серьезного, научно образованного политика дело вовсе не в том, как называется данная форма государственного устройства, а в том, как она действует и какие плоды она приносит в настоящем, и к каким последствиям она может повести в будущем.

Но, выше даже вопроса о форме гражданского общежития, стоял в прежних исторических эпохи, вопрос о форме общежития религиозного; в глазах длинного ряда поколений, церковь значила больше чем государство и внутренне определяла отношение личности к умственным и общественным движениям века. За преобладанием церкви над государством последовало подчинение ее государству, вооруженному не только материальною силою, но и опирающемуся на философское и научное развитие и самосознание человеческой личности. Нынѣ церковь, — и даже, обладающая столь удивительной организацией, католическая церковь, — должна защищать свою внутреннюю автономию от вмешательства всемогущаго государства. Было бы, однако, весьма ошибочно думать, не только чтобы церковные вопросы могли когда либо перестать занимать умы вообще, но и чтобы они утратили свою важность для государственных деятелей. У христианских народов, государство и церковь, гражданское общество и общество религиозное, — организации различные по целям и существу своему и, потому, не могущия признать над собою верховенства чуждаго имъ принципа; имъ свойственно приписывать себѣ главную роль в жизни человечества и стремиться, подобно Левияаану Гоббеса, поглотить все что ихъ стоящее; смотря потому, идеальны ли стремления преобладаютъ въ отдѣльных личностях, или реальны, сочувствія ихъ въ этой борьбѣ будутъ на той или другой сторонѣ. Многовѣковой исторической опытъ показатъ все невыгоды смѣшенія религиозныхъ интересовъ съ политическими, все равно подчиняются ли первые последнимъ или последние первымъ, но и полное ихъ раздѣленіе (по крайней мѣрѣ въ Европѣ) не могло еще осуществиться. Теорія свободной церкви въ свободномъ государствѣ — торжество логического мышления, но страна, въ которой она была такъ громко провозглашена и такъ старательно примѣняема — именно та страна, гдѣ теорія эта встрѣчаетъ болѣе всего препятствій въ фактическихъ условіяхъ и гдѣ она еще вызоветъ вѣроятно много столкновений. Свобода и неза-

всепомощность церкви и государства всегда будет идеалом для всех искренно уважающих и любящих свободу во всех проявлениях человеческого духа, но можно наверное сказать, что человечество пройдет через различные фазы развития, прежде чем отношение церкви и государства перестанут быть вопросом.

Правда, великая американская республика не знает и в этой сфере, ни борьбы, ни подчинения. Но, с окончанием колонизации доставшей ей громадной территории, чрезвычайно счастливые обстоятельства, при которых она до сих пор развивалась, уступят место нормальным; и для нее наступит тогда высший политический и экономический столкновения и внутренняя социальная распри. При нашей привычке, разсуждать по старому шаблону и не проверять разсуждений заключений, мы не перестаем твердить фразы об упадке вѣры и замѣнить ее знанием; мы не совѣмъ неправы относительно центральной Европы: современная борьба государства и церкви во Франції и Германіи—борьба, в которой политическіе мотивы играютъ едва ли не большую роль нежели мотивы религіозные. Но мы не знаемъ, или не отдаемъ себѣ отчета, что міръ англосаксонскій и міръ славянскій, эти два полюса общественнаго развитія между христіанскими народами, не только глубоко религіозны по своей природѣ, но и исполнены, (не считая какихъ нибудь искусственныхъ наслоений,) жизнью и горячей вѣры. Въ особенности, Америка, въ которой мы привыкли видѣть страну денежной наживы, является въ глазахъ болѣе глубокаго наблюдателя, странно религіозною по преимуществу. Американскіе мыслители видятъ въ религіозномъ чувствѣ, повсемѣстно и безусловно господствующемъ въ Соединенныхъ Штатахъ, сильнѣйшую и вѣрнѣйшую гарантію порядка и свободы, чѣмъ въ законахъ страны или даже въ общественномъ мнѣніи. Чисто демократическая форма правленія всего болѣе способствуетъ этому: массы, инстинкты которыхъ обуздываются религіей, требуютъ и отъ образованнаго общества безусловнаго подчиненія религіи. Понятно, поэтому, что при всей свободѣ мнѣній и начинаній, каждое изъ нихъ старается имѣть на своей сторонѣ религіозное чувство и для того облекается въ религіозную форму. Мысль самихъ массъ никогда не работала иначе; даже и въ Америкѣ, при самомъ высокомъ уровнѣ образованія, ни стремленіе къ матеріальному благосостоянію, ни страсть къ техническимъ изобрѣтеніямъ, не могутъ поглотить вниманія массъ въ той степени, какъ интересы религіозные. Почти каждыя 10 лѣтъ, въ Америкѣ является особое возбужденіе умовъ, возрожденіе (revival), которое обхватываетъ всю страну и, посредствомъ эмигрантовъ различныхъ краевъ Европы, доходитъ и до нашей части свѣта. Периодическія волны этихъ возрожденій поддерживаютъ и оживляютъ религіозное движеніе въ Англіи и на Континентѣ Европы и достигаютъ предѣ-

ловъ Россіи, гдѣ встрѣчаются съ другимъ теченіемъ въ томъ же смыслѣ, но изъ самостоятельнаго источника.

Разобьются ли оба эти теченія о материализмъ западно-европейскихъ промышленныхъ центровъ, или они переселятъ его? останутся ли мистическія секты и социалистическія ученія въ непримиримомъ антагонизмѣ, или же, — слившись вмѣстѣ, выработаютъ новое міросозерцаніе, которое, обнимая въ широкомъ синтезѣ, всю новѣйшую цивилизацію, (подобно тому, какъ это нѣкогда сдѣлало христіанство относительно языческой культуры), завоюетъ себѣ міръ и откроетъ человечеству рядъ фазисовъ новаго и высшаго развитія? Б.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ.

Мм. Гг.!

Я сынъ болгарскаго народа, но гражданинъ не княжества, а выдуманной европейскими дипломатами провинціи Восточной Румелии. Я не принадлежу поэтому ни къ какой партіи въ княжествѣ, но живо интересуюсь судьбою самой самостоятельной части болгарскаго народа, которая одна получила право называться именемъ моего нашего отечества. Недавно, оставивъ Пловдивъ, мое мѣсто жительства, я проѣхалъ все княжество на пути въ Румынію, останавливаясь по нѣскольку дней въ Средецѣ, Триновѣ и Свиштовѣ по своимъ личнымъ дѣламъ, но, въ тоже время, пользуясь всякимъ случаемъ, чтобы видѣть, какъ идутъ общественныя дѣла послѣ чрезвычайнаго народнаго собранія.

Вчера я увидалъ № *) нашей почтенной газеты, гдѣ вы говорите о Болгаріи. Позвольте мнѣ прибавить къ этому, что я знаю изъ личнаго наблюденія. Народъ въ княжествѣ, какъ и по всей Болгаріи, чтитъ генерала Игнатіева, какъ никого другого; но теперь все думаютъ, онъ устраиваетъ порядокъ въ Россіи, а когда окончатъ, то вѣрно устроятъ и въ Болгаріи. У князя Дондукова есть въ княжествѣ друзья, хоть и немного числомъ, но очень подвижные; онъ ихъ наведетъ и выведетъ, богъ знаетъ, откуда, а они, можетъ быть, и не спросивъ князя, агитируютъ теперь сильно. Князь Дондуковъ, хоть и не сдѣлалъ для народа, что сдѣлалъ генералъ Игнатіевъ, но лучше всѣхъ русскихъ обращаясь съ нашими братьями, говорилъ краснорѣчиво и при всякомъ случаѣ, напоминалъ о великомъ прошломъ болгарскаго народа. Его любятъ, хоть онъ и дѣлалъ все по своему, какъ хотѣлъ; только тѣ, что знаютъ дѣла лучше, говорятъ, что онъ не тратилъ больше, чѣмъ какой нибудь изъ нашихъ, да не построилъ ничего, а бралъ и давалъ своимъ приверженнымъ все, что хотѣлъ. Кромѣ друзей князя есть и другіе, которые агитируютъ и интригуютъ, все болѣе, вѣроятно, изъ Австріи.

Но для народа хуже всего князь Александръ. Онъ не знаетъ ни народа, ни земли, живетъ съ иностранными дипломатами и нѣкоторыми русскими-военными, а болгаръ не любитъ и обходится очень презрительно. Конституцію, которой онъ клался, онъ не уважаетъ и всесильно надъ нею ругается. Самоуправствію, не только его, но и всякаго его чиновника, ужасно много; доходы все растрачиваются, едва ихъ народъ успѣетъ выплатить; для образованія, (не такъ какъ у насъ на югѣ), ничего не дѣлается; войско, правда, хорошо и содержится хорошо, но русскіе офицеры слишкомъ презираютъ солдатъ-болгаръ, и учатъ ихъ презирать народъ; главное же, все — офицеры и чиновники, а иногда и солдаты — бьютъ простой народъ, вездѣ, куда ни придутъ такъ и начинаютъ бить. Такъ, напр., при моемъ

*) См. № 3, Русскіе искатели иностранныхъ тропей. *Ред.*

проѣздѣ, близъ Свиштова, шли команды съ офицерами: Токмачевъ, баронъ Краусъ (Краусъ?) и Юрковскій, и въ каждой деревнѣ, гдѣ ихъ не скоро или не усердно встрѣчали, били всехъ, отъ малого до старого, не разбирая. Битые и поборы, да презрѣніе ко всему болгарскому, вотъ что всего тяжелѣе.

Не будь князь Александръ родственникъ русскаго царскаго дома и не будь съ нимъ русскій, его давно бы отправили назадъ. Въ Европѣ говорятъ: нельзя болгарамъ безъ князя, а болгары думаютъ: для чего князь? Въ такой маленькой странѣ могъ бы править экзархъ да выборные собраніемъ болгары, и было бы проще и дешевле.

А жалко, что русскіе, у которыхъ такъ много прекрасныхъ офицеровъ и чиновниковъ, не посылаютъ къ намъ никого изъ нихъ. Въ Восточной Румелии напр., изъ 40 русскихъ офицеровъ 17 осуждены за кражу и т. п.; въ Болгаріи же и судить не смѣютъ. Вотъ все, что могу сказать: напечатайте, если хотите, но, пожалуйста, поправьте ошибки: я по русски писалъ мало. *)

Примите и пр.

Болгаринъ изъ Пловдива.

ПИСЬМА О РАБОЧЕМЪ ДВИЖЕНІИ.

II.

Двѣ формы борьбы труда съ капиталомъ: непосредственно экономической и политической. — Избирательная агитация во Франціи; принципиальное и практическое значеніе требований, содержащихся въ избирательной программѣ рабочей партіи во Франціи.

Антагонизмъ общественныхъ классовъ проявляется прежде всего въ противоположности интересовъ частныхъ капиталистовъ съ одной стороны и рабочаго персонала ихъ фабрикъ, завода или мастерской, съ другой. Здѣсь, въ этой сфере, производится богатства первыхъ и куются цѣпи, которыми увѣковѣчиваются бѣдность и подчиненное положеніе послѣднихъ. Противоположность интересовъ выступаетъ здѣсь въ такой непосредственной формѣ и такъ интенсивно даетъ себя чувствовать рабочимъ, что повсюду обыкновенно первыми проявленіями недовольства капиталистическимъ режимомъ являются коалиціи рабочихъ данной мастерской противъ своего хозяина. Дальнѣйшимъ шагомъ въ развитіи сословнаго сознанія пролетаріевъ являются правильныя и болѣе или менѣе постоянныя коалиціи рабочихъ различныхъ фабрикъ и заводовъ одной и той же или родственныхъ отраслей промышленности. Это — собственно борьба на непосредственно экономической почвѣ. Пролетаріатъ выступаетъ здѣсь на борьбу съ хозяевами, какъ частными владѣльцами средствъ производства, требуя отъ нихъ разныхъ уступокъ, какъ на примѣръ, увеличенія заработной платы, сокращенія рабочаго времени, отмены штрафовъ и другихъ родовъ крайнихъ злоупотребленій со стороны капитала. Союзъ и кассы сопротивленія съ правильными членскими взносами — такова одна изъ первыхъ и наиболѣе распространенныхъ формъ организацій пролетаріата для борьбы съ классомъ капиталистовъ въ непосредственно экономической сфере; стачки — таково одно изъ крайнихъ военныхъ средствъ этихъ организацій.

Но рядомъ съ этими способами борьбы

*) Намъ пришлось исправить только орфографическія ошибки, и 2—3 не русскіе оборота рѣчи. *Ред.*

противъ капитала, пролетаріатъ въ самомъ началѣ своего эмансипаціоннаго движенія пускаетъ въ ходъ и другія средства. Капиталистъ, какъ частный владѣлецъ средствъ производства, весьма часто и не можетъ, безъ опасности для своего предпріятія, дѣлать значительныя уступки рабочимъ, потому что онъ самъ находится въ зависимости отъ способа веденія дѣла большинствомъ его конкурентовъ-капиталистовъ. Частныхъ побѣдъ надъ отдѣльными фабрикантами оказывается слѣдовательно недостаточно. Для повсемѣстнаго проведенія какого нибудь экономическаго требованія необходимо, стало быть, повести войну со всѣмъ классомъ капиталистовъ, какъ коллективной организацией хозяевъ экономическихъ средствъ страны. Рядомъ съ объединеніемъ пролетаріата въ національные союзы сопротивления для борьбы съ хозяевами непосредственно, организуется и повсемѣстная агитація въ пользу коллективныхъ петицій отъ рабочаго класса къ правительству или законодательнымъ собраніямъ объ ограниченіи произвола всего класса капиталистовъ относительно эксплуатаціи рабочей силы. Здѣсь мы видимъ уже зародыши политической борьбы рабочихъ классовъ. Не создала еще ясно роли государства, какъ *организованнаго* представителя имущественныхъ классовъ, пролетаріатъ начинаетъ, тѣмъ не менѣе, чувствовать, что для веденія войны труда съ капиталомъ *en grande*, рабочимъ необходимо выступить и на арену политической борьбы. Но лишь только они начали обращаться къ государству за покровительствомъ, они должны были вскорѣ путемъ опыта убѣдиться, что весь государственный механизмъ устроенъ именно такъ, что бы функционировать главнымъ образомъ въ интересахъ класса капиталистовъ. Мало того, заправителями и регуляторами этого механизма оказываются представители тѣхъ же капиталистовъ. Такимъ образомъ вмѣстѣ съ развитіемъ сознанія, что для широкой борьбы труда съ капиталомъ, необходимо воспользоваться и государственной машиной, какъ такимъ орудіемъ, которое можетъ поразить *весь* классъ капиталистовъ, а не отдѣльные его члены, рабочие начинаютъ понимать, что сама то машина эта — орудіе эксплуатаціи массъ и при томъ всецѣло находится въ рукахъ или самихъ эксплуататоровъ или ихъ представителей. Тогда то въ средѣ пролетаріата начинается исполнѣ отчетливо выясняться мысль о необходимости лишить постепенно имущественные классы монополіи управленія страной и перенести эти функціи непосредственно въ руки представителей рабочихъ.

Демократизированіе политическихъ учреждений съ цѣлью сдѣлать изъ государства орудіе эмансипаціи трудящихся классовъ — задача болѣе поздняя форма борьбы труда съ капиталомъ. По мѣрѣ развитія сословнаго сознанія въ рядахъ пролетаріата, и борьба его съ капиталистами все болѣе и болѣе принимаетъ двойную форму, — борьбы непосредственно экономической и борьбы политической. И повсюду первымъ шагомъ при выступленіи пролетаріата на полити-

ческую арену является требованіе всеобщаго, прямого и равнаго избирательнаго права. Во Франціи оно завоевано было революціей 1848 г., въ Германіи оно пожаловано было Бисмаркомъ, отчасти подъ влияніемъ агитаціи Лассалля, отчасти вслѣдствіе личныхъ соображеній прусскаго правительства и дворянской партіи. Въ прочихъ странахъ, въ Австріи, Италіи и Бельгіи въ особенности, агитація въ пользу общаго избирательнаго права сравнительно недавно началась и пока не привела еще ни къ какимъ результатамъ. Въ Бельгіи, социалистическая партія, стоящая во главѣ этой агитаціи, особенно настойчиво добивается избирательной реформы. На конгрессѣ бельгійской социалистической партіи, состоявшемъ 14 и 15 августа, рѣшено между прочимъ, повсюду организовать избирательные комитеты, обязанность которыхъ рекомендовать населенію, лишенному избирательныхъ правъ, кандидатовъ въ муниципальные совѣтники и агитировать въ ихъ пользу. Выбранные такимъ образомъ депутаты, образуютъ изъ себя неофициальный муниципалитетъ, который обязанъ собираться также правильно, какъ и официально признанный. Засѣданія депутатовъ должны быть открыты; каждый предметъ, обсуждающійся въ легальныхъ муниципалитетахъ, долженъ обсуждаться и въ засѣданіяхъ депутатовъ, избранныхъ нелегальнымъ способомъ. Разница въ рѣшеніяхъ первыхъ и послѣднихъ наглядно покажетъ народу, кто его истинные друзья.

Подобная же агитація въ пользу избирательной реформы происходитъ и въ Голландіи, гдѣ для этого образовалось специальное общество, которое держало 14 августа свой годичный конгрессъ. Что касается до Англіи, то, какъ извѣстно, полного общаго избирательнаго права тамъ и теперь еще не существуетъ и единственнымъ результатомъ усиленной агитаціи рабочихъ обществомъ оказывается *разширеніе* слоя избирателей, давшее возможность пройти нѣсколькимъ рабочимъ депутатамъ въ нижнюю палату.

Не смотря, однако, на то, что *политическая* равноправность рабочихъ классовъ признана конституціей только въ немногихъ странахъ, участіе пролетаріата въ политической борьбѣ успѣло уже обнаружить рядомъ фактовъ преувеличенности надеждъ на *эмансипаторскую* роль всеобщаго избирательнаго права. Чрезвычайные компромиссы депутатовъ-социалистовъ съ противниками народа въ парламентахъ и муниципалитетахъ, крайняя трудность, при экономической зависимости массъ, провести хотя бы нѣсколько десятковъ социалистическихъ кандидатовъ — все это вызвало оппозицію противъ сосредоточенія передовыхъ элементовъ пролетаріата на парламентской борьбѣ. Мысль о необходимости вырвать изъ рукъ имущественныхъ классовъ управленіе страной привнесла новую форму; вмѣсто того, чтобы бороться на избирательномъ поприщѣ съ буржуазіей изъ за власти, лучше всего окончательно оставить это поле борьбы и сосредоточить силы пролетаріата на разрушеніи государственной организаціи революционнымъ путемъ. Политически свободныя

группы народонаселенія реорганизируютъ экономическія основы общества, а вмѣстѣ съ тѣмъ обеспечена будетъ полная политическая свобода индивидуумовъ и группъ. Таковъ лозунгъ такъ называемой фракціи анархистовъ. Направленіе это сравнительно ново и число его приверженцевъ находится въ меньшинствѣ. Направленіе противоположное или фракціи такъ называемыхъ государственниковъ-социалистовъ преобладаетъ почти во всѣхъ странахъ, исключая Испаніи и пожалуй Италіи, относительно которыхъ не рѣшаюсь категорически утверждать. Намъ еще придется въ послѣдствіи не одинъ разъ говорить о существенныхъ пунктахъ разногласія этихъ двухъ главныхъ социалистическихъ фракцій. Теперь же поговоримъ нѣсколько подробнѣе о воззрѣніяхъ и тактикѣ приверженцевъ участія пролетаріата въ парламентской борьбѣ.

Прежде всего замѣтимъ, что и эта фракція далеко не такъ относится къ избирательной и парламентской агитаціи, какъ первые ея приверженцы — Дуи-Бланъ и т. д. во Франціи, чартисты въ Англіи и Лассаль въ Германіи. Для этихъ пионеровъ идеи рабочихъ законодательныхъ собраній, всеобщее избирательное право и парламентская агитація являлись главнымъ или вѣрнѣе единственнымъ средствомъ эмансипаціи пролетаріата. Теперешніе „государственники-социалисты“ или социаль-демократы далеко не такъ оптимистически относятся къ этому средству сословной борьбы. Большинство изъ нихъ или, по крайней мѣрѣ, значительная часть, убѣждено, что легальными способами невозможно кореннымъ образомъ измѣнить современный социальный строй. Они сознаютъ, во первыхъ, что при чрезвычайной экономической зависимости массы рабочихъ отъ хозяевъ, и мелкихъ ремесленниковъ, крестьянъ и лавочниковъ отъ своихъ кредиторовъ, для вотированія за социалистическаго кандидата требуется уровень самопожертвованія, слишкомъ высокій для средняго человѣка въ обыкновенное время; поэтому нельзя рассчитывать на проведеніе въ парламентъ большинства социалистическихъ депутатовъ; во вторыхъ, что даже въ случаѣ достиженія парламентскаго большинства, привилегированные классы все-таки не уступятъ добровольно своихъ экономическихъ монополій, и, слѣдовательно, все-таки придется противъ организованныхъ силъ буржуазіи-администраціи, войска и т. д. выставить организованную революціонную армію пролетаріата. *Эмансипаціонное* значеніе избирательной и парламентской агитаціи отрицается, стало быть, и въ лагерѣ государственниковъ-социалистовъ, но послѣдніе признаютъ за нимъ главнымъ образомъ *агитаціонное* и *пропагандистское* значеніе. Нужно пользоваться, говоритъ эта фракція, всѣми средствами для разясненія *массамъ* ихъ сословныхъ интересовъ и способовъ, при помощи которыхъ можно обезпечить торжество этихъ интересовъ. Выборы представляютъ одинъ изъ тѣхъ моментовъ, когда всѣ партіи, заискивая въ расположеніи народа, возбуждаютъ въ немъ политическія страсти и тѣмъ самымъ выводятъ его изъ будничной колен. Естественно, что въ такіе

моменты, и социалистическая партия должна употребить все усилия, чтобы привлечь внимание трудящейся массы к своему социально-политическому знамени. Каков бы ни был непосредственный результат избирательной агитации (а также агитации в пользу какойнибудь петиции социалистического характера), политический и умственный горизонт массы рабочего люда все же под ее влиянием будет расширяться, популярность социалистической партии и ее требования будет расти, а вместе с тем будет развиваться и крепнуть в рядах пролетариата сознание его исторической миссии радикального преобразователя современных социально-политических отношений.

Таковы, в общих чертах, доводы социаль-демократов и „коллективистов-революционеров“ (так называются государственники-социалисты во Франции) в пользу участия пролетариата в парламентских выборах, подачи петиций в законодательные собрания и т. д. На днях социалистическая партия Франции принимала очень деятельное участие в избирательной борьбе. По расчету бельгийской социалистической газеты „La Voix de l'ouvrier“ („Голос рабочего“, № 18) число голосов, поданных в Париже в пользу кандидатов рабочей партии, равняется 20,000, а в провинции почти 80,000, всего около 100,000. Не нужно упускать из виду, что между 47 депутатами „крайней левой“, находятся многие социалисты, в принципиальном отношении и по своим практическим требованиям не очень существенно отличающиеся от рабочей партии. Но эти депутаты не выступали, как представители рабочей партии и не защищали в собраниях выработанной ею „программы-минимума“. Поэтому, число приверженцев этой программы во Франции, если судить по выборам, можно считать приблизительно в 100,000. Посмотрим же теперь, в какой мере программа эта логически связана с принципами рабочей партии и на сколько отделяется части этой программы способны развивать революционное сознание пролетариата, как общественного класса, призванного руководить преобразовательным процессом капиталистического общества в социалистическое.

14 требований, составляющих избирательную программу рабочей партии, направлены как против экономических, так и политических отношений современного общества. Сокращение рабочего времени (до 8 часов в сутки для взрослых и один день досуга в неделю), установление минимума заработной платы, содержание на общественный счет „инвалидов труда“ и детей, социализирование кредитных учреждений, железных дорог, рудников, церковных имуществ, все это требования чисто экономического свойства. Всеобщее вооружение народа взаимно постоянных войск, широкое самоуправление коммуны в своих внутренних делах — реформы чисто политический. Остановимся сначала на первой группе требований. Социалистический характер таких требований,

как превращение банков, железных дорог, рудников и т. д. в общественное достояние, само собою очевидно. К этому же типу требований относятся содержание на общественный счет детей и взрослых, лишившихся возможности работать и учреждение даровых профессиональных школ для первых. Что касается до замены всех налогов одним прогрессивным на доходы свыше 3000 фр., то установление закона об охране интересов *коллективности* при получении частными лицами наследств свыше 20000 фр. и наконец до ограничения максимума жалования общественных должностных лиц 6000 франками в год, то все эти требования имеют очевидную цель воспрепятствовать дальнейшему накоплению капиталов в руках имущественных классов. Последнее же требование проявляет, сверх того, повидимому определенное стремление провести в сознание массы принцип равномерного вознаграждения за всевозможные отрасли труда, не исключая и интеллектуального труда — руководителей общественных служб. Агитация в пользу сокращения рабочего времени и ограничение детского труда занимает издавна одно из главных мест в деятельности рабочих обществ. Но принципиальное значение этого требования выдвинуто было, при агитации, только социалистами. Так как доход класса капиталистов (прибавочная стоимость, т. е. прибыль, процент, рента и т. д.) образуется из разницы *всего рабочего времени пролетариата* и той части, которую последний тратит на воспроизведение своей заработной платы, то очевидно, чем короче рабочее время, тем меньше должно его оставаться на произведение прибыли и т. д. Сокращение количества труда, находящегося в распоряжении капитала, при одновременном повышении заработной платы, могло бы, следовательно, в самом корне подрезать основу капиталистического хозяйства, сущность которого заключается в производстве и накоплении добавочной ценности. Само собою разумеется, что агитаторы указывают и на необходимость досуга для здоровья, для самообразования и для участия в общественных и политических интересах страны, как на доводы в пользу сокращения рабочего времени. В требованиях равной заработной платы для обоих полов, при одинаковом труде, также ясно отражается стремление социалистической партии провести в сознание масс один из своих принципов: кроме желания занятием женщин в социалистическом движении, партия хотела этим требованием дать наглядное выражение своему основному принципу — равным правам и равным обязанностям для *всех* членов общества.

Такой же двойственной подкладкой — принципиальной и чисто *тактической* — отличаются и политические требования социалистической партии во Франции. Солдатчина, стеснения относительно свободы схода, ассоциаций и прессы, чрезмерная политическая централизация — все это вещи, слышомь близко касающиеся народа, чтобы рабочей партии можно было их игнориро-

вать. Но, с другой стороны, возможно прочные гарантии для развития индивидуальной и групповой или местной инициативы составляют условие, *sine qua non* социалистического строя. Широкий простор для всестороннего развития и самостоятельности всех граждан на основе экономической солидарности, — такой идеал западно-европейских социалистов всех оттенков. Таким образом, опираясь в своей агитации на весьма очевидные и всех гнетущих проявления современной политической организации, французские социалисты стремятся разом убить двух зайцев — привлекая к себе внимание и сочувствие масс во имя совершенно понятных им политических лозунгов, рабочая партия надбегает в тоже время, постепенно, переходя от частного к общему, расширить умственный горизонт пролетариата до крайних политических идеалов.

Что касается специально вопроса о широкой коммунальной автономии, то во Франции она имеет еще особенное практическое значение для рабочей партии. Дело в том, что разница между стремлениями и социально-политическим развитием пролетариата крупных промышленных центров с одной стороны, и массы крестьянства, с другой — чрезвычайно велика. Поэтому, при крайней политической централизации, правительству всегда легко, опираясь на отсталое большинство провинциального населения, подавить всякое серьезное прогрессивное движение городского пролетариата. Но, получивши широкую автономию, пролетариат Парижа, Марселя, Лиона и т. д. могут свободно заключить между собою федерацию и начать в этих передовых центрах ряд общественно-экономических реформ в социалистическом направлении.

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВСЕМИРНЫЙ КОНГРЕСС 1881 г.

Товарищи, братья,

Различные препятствия помешали нам посетить вас раньше о состоянии вопроса о конгрессе. Мы, например, все еще надеялись дожидаться решения федерального суда. Теперь мы с полным удовлетворением вас об окончательном принятии нами мфрак.

Получив несколько времени тому назад сообщение из Парижа о том, что французские социалисты не будут представлены на конгресс — что было бы нам крайне досадно, — мы только что получили сведения более благоприятные.

Наши друзья во Франции просят нас осветить конгресс до конца октября месяца, чтобы дать им возможность довести до конца избирательный поход. Наши бельгийские друзья на это согласны и наши германские товарищи обращались к нам, в последнюю минуту, с той же просьбой, по причине избирательного похода.

Вот почему мы окончательно назначили открытие конгресса на 23 ОКТЯБРЯ, при чем делегаты имеют собраться в воскресенье, 23, внутренний расписанием соответствует 24, а официальные работы начнутся 15 октября.

Конгресс имеет быть в БЕРНЕ, где наши товарищи озабочены принять как можно лучше наших иностранных друзей.

Еще раз просим уведомить нас о числе делегатов, дабы организационный комитет, в Берне, мог сделать необходимые приготовления.

Привет и братство

Цюрих, 31 августа.

Комитет швейцарской социалистической партии.
Адресовать: S. Obrist, Hottingen, Zurich.